

КОГДА РОССИЮ "ПРИГОВОРИЛИ" К ЛЕСНЫМ И ТОРФЯНЫМ ПОЖАРАМ?..

ПОЖАРЫ

3

Русский Вестник • № 18, 2010

Беспрецедентные в отечественной истории лесные и торфяные пожары, в сочетании с засухой, наносят колоссальный социально-экономический ущерб всей стране. Но, кроме "пожарных" мер, мало что предпринимается для предотвращения тех же эксцессов в будущем. Прежде всего потому, что, по образному выражению Дмитрия Сергеевича Мережковского, "мерзость запущения" с 1980-х годов, если не с 1970-х, поразила буквально все отрасли, продукция которых могла обезопасить нынешнюю Россию от столь масштабных природных катастроф. То же и с научно-техническими кадрами, опытными промышленными станциями и даже... со специализированными журналами, которые, что называется, приказали долго жить еще в конце 1980-х. В отличие, подчеркнем, от ряда стран СНГ, где в последние годы власти всячески стимулируют развитие и внедрение технологий, обеспечивающих максимальную природно-технологическую безопасность. Особенно это характерно для Белоруссии и Туркмении (см. "Российская газета" 04.08.2010 г.; "Союз", Москва-Минск, 12.08.2010 г.).

Между тем авторитетные специалисты, видимо, по соображениям политической конъюнктуры, огульно обвиняют весь додемократический период в том, что, дескать, во все эти годы природа только уничтожалась. Так, во "Времени новостей" 11 августа 2010 г. директор НИИ водных проблем РАН, бывший министр окружающей среды и природных ресурсов РФ Виктор Данилов-Данильян утверждает, что не было никаких изменений в советской природно-мелиоративной политике в 1930-1980-е годы. Что в течение всего этого периода болота всюю и повсеместно осушались, причем с постоянным нарушением технологических и экологических нормативов. С последним согласиться можно и нужно (см., например, "Русский вестник" 25.07.2010 г.; "Российская газета", 04.08.2010 г.).

В этой связи следует отметить, и это не может быть не известно В. Данилову-Данильяну и его коллегам, что именно после 1953 года в стране кардинально изменилась экологическая, мелиоративная и сельскохозяйственная политика. Что, например, для распашки целинно-залежных земель и общесоюзно насаждения кукурузы распашивались или осушались даже заповедники, опытные станции научных институтов, уничтожались полевые защитные лесные полосы в сельском хозяйстве, вырубались под корень леса даже вдоль берегов рек, озёр, водохранилищ и даже... были директивно запрещены (в первой половине 1960-х) травопольные севообороты. Эти и смежные "хрущевские новации" были осуждены на пленуме ЦК КПСС в марте 1965 года, правда, уже в отсутствие Хрущева. Но в основном та же экологическая и мелиоративная политика почему-то (может, преднамеренно?) продолжалась — вплоть до развала СССР...

В то же время В. Данилов-Данильян прав, утверждая, что "для восполнения воды в осушенных болотах не хватил годового объема Волги. Сколько торфяников осушено, сколько потеряли воды не вполне осушенные, сколько и где её осталось и каков ее режим в нынешних торфяных болотах, — неведомо..." Прав экс-министр и в том, что "тушение разгоревшихся природных пожаров в стране требует многолетней планомерной работы — создания просек, уничтожения сухостоя и других мер. Некоторые губернаторы уже запросили десятки миллиардов рублей на заливку болот. В момент, когда леса

и торф горят, их можно понять. Но эти запросы не подкреплены ни изысканиями, ни проектными разработками..."

Тем временем, по данным МЧС РФ на середину августа, свыше 60 человек погибли в торфяных и лесных пожарах, полыхавших с июля более чем в 15 субъектах Федерации. Сгорели почти 2 тысячи домов, а лес уничтожен на 230 тысяч гектарах. Почему это происходит в России, и отнюдь не первый год?..

По мнению доктора геолого-минералогических наук Марины Харьковской (Белоруссия, г. Гомель), "последствия ликвидации естественных лёгких планеты — торфяных, других болот, и длительного, в основном природоуничтожающего сельскохозяйственного использования "постболотных" почв сказываются через период, соизмеримый с человеческой жизнью". Так и произошло...

Поскольку эксперименты с целиной и возделыванием кукурузы от Заполярья до границы с Афганистаном, мягко говоря, не принесли желаемого эффекта, во второй половине 1960-х было решено срочно "избавляться" от болот и заболоченных лесов. Точнее — осушать торфяные, то есть наиболее пожароопасные, и другие болотистые местности по всему СССР. Для расширения сельскохозяйственных площадей. Но делалось это, увы, теми же природоуничтожающими методами, для "галочки". Важен был, скорее, не результат, а масштаб очередного "проекта века".

Санкцию на быстрое развитие мелиорации дал пленум ЦК КПСС в мае 1966-го. Тогда же была подготовлена всесоюзная мелиоративная программа. Но основной удар пришелся на РСФСР, особенно на европейское Нечерноземье России: именно здесь было предписано во всё большем объеме осушать болота и сводить "непродуктивные" леса. Для других республик СССР задания по таким работам оказались куда меньшими. А их власти "срезали" и без того меньшие планы по мелиорации в сравнении с Россией. Это удалось Прибалтике, Белоруссии, Украине, Молдавии, всем республикам Закавказья, Туркмении.

А вот в РСФСР уже в 1971-72 гг. было осушено свыше одного миллиона "болотных" гектаров. Причем одним из крупных регионов, приговоренных к осушению, стали Мещёрская низменность — это восток Московской области и север Рязанской. Где с тех пор и полыхают торфяные и, как следствие, лесные пожары. А также долина Амура на Дальнем Востоке. Сегодня эксперты неспроста называют эти регионы выжженными, опустошенными землями...

Но ключевую роль Нечерноземья России в новом "эксперименте" обозначили в марте

1974-го в постановлении ЦК "О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР". Л.И. Брежнев, комментируя этот документ, — кстати, в день 20-летия начала освоения целины, сказал на перспективу: "Речь идет о программе всестороннего развития огромного района, рассчитанной до 1990 года. Она предусматривает проведение комплекса работ по улучшению земель на многих миллионах гектаров". И затронули на мелиорацию российского Нечерноземья только за 1970-е годы свыше 30 миллиардов рублей.

Но только в европейском Нечерноземье России, по данным Института почвы РАСХН (Москва) и Всероссийского НИИ агролесомелиорации (Волгоград), минимум 12 типов почв, каждый из которых требует индивидуального подхода. А мелиорацию понимали и осуществляли в основном как осушение. И чем больше были масштабы, тем лучше оказывалось, по крайней мере, для исполнителей. Скажем, только в Ленинградской области в 1970-1980-х годах свыше 400 мелиораторам были вручены ордена и медали, 36 присвоено почетное звание "заслуженный мелиоратор", двоим — звание лауреата Государственной премии СССР, еще 24 мелиораторам присуждена премия Совета Министров СССР.

"Сейчас мы и расплачиваемся за такое варварское отношение к природе, — убежден Иван Судницын, доктор биологических наук, академик РАН. —

При осушении болот надо было опускать уровень воды на полтора метра, чтобы она по земельным капиллярам поднималась к корням растений. Тогда удалось бы создать оптимальный, причем постоянный водный режим в торфяных и других болотистых почвах. Но вместо этого дренажные каналы рыли глубиной 3 метра, а то и больше. В итоге верхний и средний почвенный слой отрывался от грунтовых вод, быстро пересыхал вместе с ними и, в результате, — стал возгораемым". Допускались, по данным И. Судницына, и другие нарушения осушительных технологий.

По данным ВНИИ торфяной промышленности (Санкт-Петербург), лет 15-20 назад в России еще добывалось 54 миллиона тонн торфа, из них в Подмосковье — около 2 миллионов тонн. Но в прошлом году добыча практически была свернута, а торфоразработки с их инфраструктурой, в большинстве своем, заброшены еще с конца 1970-х. Это всё равно, что оставить без присмотра пороховой завод...

На "постболотных" же почвах, как и на целине, высокие урожаи были, самое большее, 4 года. Причем таковыми урожаями были лишь на трети площади таких почв. А затем начались высыхание, опустынивание, засоление практически всех земель, появившихся в результате ликвидации болот. Что и обусловило предрасположенность этих территорий, особенно торфо-болотных почв, к пожарам. Тем более что торфосодержащая земля тлеет внутри и может возгораться даже при температуре минус 15 градусов Цельсия.

Зарубежные эксперты предупреждали о последствиях таких методов мелиорации в СССР. Письма такого содержания направлялись в советские ведомства специалистами

программы ООН по окружающей среде (UNEP). Отмечалось, в частности, что мелиоративные работы, судя по их методам, могут принести трудно поправимый ущерб всей природной среде. Многие советские исследователи тоже предупреждали о тех же последствиях (например, Голованов А.И., Никольский Ю.Н., Айдаров И.П., Алексеевский В.Е.). Но если и сообщалось об этом в СССР, то... зарубежными радиоголосами. А доводы оппонентов не принимались во внимание.

Зато в других республиках, где последствия того же "эксперимента" (ввиду его меньших масштабов там) были куда более щадящими, уже завершается заболочивание прежних болот, создаются новые болота. То есть восстанавливаются и развиваются естественные природные системы — в Белоруссии прежде всего, а также Азербайджане, ряде областей Казахстана и Украины, на юге Молдавии, в Туркменистане, Узбекистане, в странах Прибалтики. В том числе с помощью белорусских специалистов и техники.

Причем в этих мероприятиях учтены рекомендации советской программы 1948-1965 годов по водо-, лесообеспечению и частично заболочиванию засушливых регионов. Хотя выполнять ее в СССР почти прекратили после 1953 года. А в программе отмечалось, между прочим, что создание прудов, других водоемов, полезативных лесных полос, тщательный выбор способов и объектов мелиорации, как и лесоразведение в пустынях и на полупустынных почвах, — главные природно-технологические меры для повышения продуктивности сельского хозяйства.

Но столь комплексная работа, естественно, мешала "хрущевским" и последующим "новациям" в сельском хозяйстве и экологической политике. Потому уже в середине 1950-х свели к минимуму как выполнение упомянутой программы, так и её финансирование. А, например, Минлесхоз СССР, который осмеливался доказывать не только необходимость реализации той же программы, но и пагубность методов освоения целинно-залежных земель, был упразднен уже весной 1953 года. А восстановили его только в 1965-м...

Согласно архивам, другой пример уничтожения лесоболотной природной системы именно в постсталинский период — постановление ЦК и Совмина СССР № 192, подписанное Булганиным и Хрущевым 7 февраля 1955 года, "Об увеличении рубки леса в центральных, южных и западных районах и улучшении ведения лесного хозяйства СССР". Документом разрешались рубки леса и заготовка древесины "в лесах запретных и защитных полос вдоль рек, озёр, шоссе и железных дорог..."

И уже вовсе беспрецедентное: в конце августа 1954 г., то есть в разгар целинной кампании, в ЦК КПСС поступило письмо от профессоров-лесоводов П. Васильева, В. Тимофеева, члена-корреспондента АН СССР Н. Баранского и академика-аграрника В. Сухачева с требованием... убедить выдающегося русского писателя Леонида Леонова перестать его роман "Русский лес", опубликованный еще при жизни Сталина в 1953-м. Чтобы, прежде всего, изъять из этого романа "буржуазные теории постоянства леса..." Этому письму, которое "посоветовали" из ЦК, дальнейшего хода, правда, не дали. Но факт этот весьма примечателен в контексте, опять-таки, постсталинской природно-мелиоративной, да и общеэкономической политики...

Алексей ЛЕОНОВ

ТОЛЬКО ЛИ ПОДМОСКОВНОЙ ГАРЬЮ БЫЛА "ОКРУЖЕНА" МОСКВА?

На экологическую ситуацию в Москве и, соответственно, на здоровье многих миллионов людей всё более сильное влияние оказывают не только подмосковные пожары. Нынешняя жара, как и в августе 1972-го, снова спровоцировала тление-задымление почв на юго-востоке и востоке столицы. Потому что, как свидетельствуют документы, еще в конце 1950-х-середине 1970-х, когда Москву стремительно расширяли на восток и юго-восток, торфяные и другие экологически небезопасные почвы в тех районах, предрасположенные к возгоранию, тлению и задымлению, не были должным образом подготовлены к массовому строительству. Так, торфоболотные столичные почвы подвергали в основном поверхностному осушению. А массовое строительство велось по типовым проектам высокоскоростной массовой застройки, отнюдь не предусматривавшим высокие расходы как по укреплению тамошних почв, так и по повышению их пожаробезопасности

(см., например, <http://www.newsmask.com/theme/pyaty.html>; "New building of Moscow", New York, 1964).

Но надлежащих выводов из ситуации 1972-го не было сделано. Поэтому, как считают многие эксперты, главным образом восточные и юго-восточные ветки столичного метрополитена в жару "транспируют" дым и гарь уже и московских торфяников, где были созданы новые столичные районы после 1953 года.

Генплан развития Москвы конца 1940-х—начала 1950-х, рассчитанный на 15—20 лет, предусматривал ее расширение в основном на запад и северо-запад. Поскольку земля в этих регионах имеет минимальную пожароопасность, очень низкое содержание торфа. Не было там и колоссальных по площади и объемам мусорных свалок или мест захоронения сточных вод. Как, скажем, в Марьино: этот район начал застраиваться, в качестве столично-

го рода, "кладбище" сточных вод, охватывавшем минимум треть нынешней территории того района (см., например, "Материалы совещаний Главмостроя", ноябрь 1974 г., М., ДСП; "Экологически проблемные почвы Москвы", Ростопиздат, 1978 г., ДСП).

И сегодня вплоть до Химок включительно на северо-западе и западе нынешней Москвы немало 10—12-этажных и, заметим, максимально качественных домов "сталинской" постройки. Да и новые линии метро до 1953-го прокладывались в северном, северо-западном и западном направлениях. Во избежание задымления и воспламенения торфяных и смежных с ним почв, если бы новые метро-линии прокладывались на востоке и юго-востоке современной Москвы. То есть, упомянутый генплан начал реализовываться во второй половине 1940-х.

Но после 1953 года... понадобилось строительство быстрого, массового, игнорирующее требования экологической (в том числе почвен-

ной) безопасности строительства. На востоке и юго-востоке теперешней Москвы. Которое еще сопровождалось разрушением многочисленных памятников истории, культуры и природы. По данным Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (2010 г.), почти все памятники в Москве, взятые на госохрану по Положению "Об охране памятников истории, культуры и природы", подписанным осенью 1948 г. И. В. Сталиным, были с учета сняты и брошены на произвол судьбы. По всей стране. А в ноябре 1955 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, не только осуждающее так называемые "архитектурные излишества", но и предписавшее скорейший переход к сплошной застройке городов, в том числе новых районов Москвы типовыми, стандартными, предельно упрощенными домами. Особенно пострадали от таких "новаций" в Москве Зарядье и Замоскворечье (см. <http://www.russist.ru/istoria/mass-org.htm>).

Ну, где уж тут было заботиться о надлежащих технологиях нейтрализации торфяных, других болот, выравнивания или поддержания почв, предотвращения высыхания или "ухода" грунтовых вод в новых, то есть в "постсталинских районах" Москвы, да и не только Москвы?..

На ряде географических карт (см., например, <http://i009.radikal.ru/0906/d1/ce493d988bec.jpg>) показано, что, по оценкам департамента земельных ресурсов правительства Москвы и "Мосэкомониторинга", рекордные темпы ее расширения реализовывались в основном на экологически опасных землях, в том числе на почвах максимальной пожароопасности.

Словом, как Подмосковье, так и Москва сегодня пожинают "плоды" тех же методов экологической, мелиоративной, да и, пожалуй, общеэкономической политики, что осуществлялась с середины 1950-х годов.

Игорь ВЕЛЕНКО